

С. Д. Аллахвердян

К КРИТИКЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Эмпирическое направление в социологии возникло как реакция на бесплодные абстрактные спекуляции идеалистической мысли XIX столетия.

Если в социологии XIX века господствовали умозрительные абстракции, идеалистически извращавшие сущность общественно-исторического процесса и его закономерности, то отличительной чертой эмпирической социологии является фактический отказ от познания сущности общественных явлений, от изучения главного—закономерностей развития общества.

Как и идеалистический сенсуализм в философии, социологический эмпиризм служит ярким выражением того, как абсолютизация одной из сторон познавательного процесса приводит к идеализму, несмотря на то, что эмпиризм декларируется как антипод идеалистических спекуляций.

Настоящая статья касается неопозитивистского ответвления эмпирической социологии, не затрагивая микросоциологии и сторонников так называемой «неквантитативной» социологии.

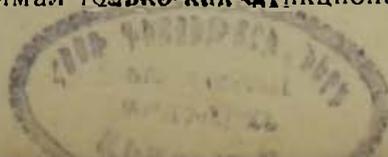
Эмпирическое направление в социологии неразрывно связано с эволюцией исторических форм позитивизма. Как отмечал В. И. Ленин, позитивизм в широком смысле включает в себя не только О. Конта и Г. Спенсера, но также махистов и ряд неокантианцев, объединенных в нечто единое своей субъективно-идеалистической направленностью.

Идеалистическое сведение опыта к совокупности субъективных ощущений, а теоретического знания к описанию фактически наблюдаемого материала, агностический отказ от проникновения в сущность вещей и явлений—вот те основные, характерные для позитивизма черты, объединяющие все упомянутые выше течения философской мысли.

Рассмотрим вкратце те особенности этих направлений, которые во многом унаследовала эмпирическая социология. Не претендуя на их полное и исчерпывающее рассмотрение, мы коснемся этих школ, останавливаясь только на том, что могло бы быть полезным для понимания современного социологического эмпиризма.

Фундаментальный позитивистский тезис о том, что наука должна отказаться от проникновения в сущность вещей и ограничиться описанием видимых на поверхности связей, был провозглашен родоначальником позитивизма Огюстом Контом.

Впервые применив термин «социология», Конт определял последнюю как науку о законах общественной жизни, о порядке и прогрессе человеческого общества. Законы он понимал только как функциональные со-



отношения, поддающиеся непосредственному наблюдению, а причинную взаимосвязь провозгласил недоступной научному познанию. По образцу точных наук Конт пытался создать некую «социальную физику», различая «социальную статику», занимающуюся условиями равновесия общественного организма, и изучение противоположного состояния — «социальную динамику».

Другой представитель раннего позитивизма, Герберт Спенсер, выдвинул органическую теорию общества. В основе этой теории лежало представление об обществе как организме, все части которого взаимосвязаны и дополняют друг друга. Общество, утверждал Спенсер, не может само по себе быть объектом научного исследования, поскольку оно не воспринимается чувственно, и познание общественных явлений возможно лишь при помощи аналогии с объектами чувственного восприятия.

Социальным идеалом позитивизма Конта и Спенсера являлась гармония капиталистов и наемных рабочих, которой должно, по их мнению, завершиться мировое развитие.

Этот тезис, как и многие другие, убеждает нас в том, что современная эмпирическая социология изобрела очень мало нового, и именно позитивизм XIX века предопределил многие из важнейших направлений современной буржуазной общественной мысли.

Но если тогда освобождение от старой теологической и метафизической натурфилософии могло играть положительную роль в развитии естествознания и техники, то теперь декларация отказа от каких бы то ни было твердых философских предпосылок приводит науку в состояние хаоса и навязывает исследователям, независимо от их желания, совершенно определенную философию субъективного идеализма и агностицизма.

Если у Конта вместо действительных объективных законов развития общества мы сталкиваемся с произвольными логическими конструкциями, то неокантианцы, отрицая закономерность в истории, сводят её к фактографическому описанию, заявляя в то же время о своем антипозитивизме. Однако, отрицая кантовскую вещь в себе и превращая объекты научного изучения в конструкции субъективного разума, неокантианство, при всех частных расхождениях, представляло собой логико-методологическое ответвление позитивизма.

Подобно Виндельбанду и Риккерт, наличие объективных закономерностей в обществе отрицал Макс Вебер, разделивший науки не по предмету, а по методу исследования. Называя свою социологию эмпирической, М. Вебер защищал позиции последовательного эмпиризма. Однако методологические принципы Макса Вебера носили крайне субъективистский характер. Рассматривая исторические явления по степени их важности для автора, а не для реального исторического бытия, Вебер называет такой подход «идеально-типическим».

«Идеальными типами» оказываются общие понятия и социологичес-

кие законы, которые М. Вебер считает подсобным мыслительным инструментом.

С таким же пониманием методологии социологического познания мы сталкиваемся и у многих современных социологов, рассматривающих научные категории как условные, гипотетические конструкции.

Важнейшим теоретическим источником современного неопозитивизма послужил также махизм, который принято называть, после позитивизма О. Конта, второй исторической формой позитивизма. Махисты, как известно, пытались встать выше материализма и идеализма, ограничиваясь изучением непосредственно данного в чувственном опыте субъекта.

В своей наиболее характерной форме современная эмпирическая социология базируется на методологии неопозитивизма (третьей исторической формы позитивизма) и представляет собой её непосредственное выражение. Основные посылки этой методологии восходят к раннему неопозитивизму, или т. н. логическому позитивизму периода известного Венского кружка.

Логические позитивисты провозгласили противопоставление естественных и общественных наук пережитком теологического мышления. Ликвидация такого противопоставления, имевшего место в неокантианстве, произошла здесь на основе отрицания возможности широких обобщений не только в общественной, но и в естественно-научной сфере. Единство социальных и естественных наук предполагалось осуществить путем перенесения методов естествознания в социологию. Однако к тому времени само естествознание уже не обладало твердыми генерализующими закономерностями. Не будучи в состоянии обобщить и объяснить новейшие данные физики о неприменимости законов макромира к миру малых частиц, естествознание того периода пришло к абсолютизации принципа релятивизма и объявлению законов природы формальной условностью.

Фундаментальный принцип неопозитивистской социологии—отождествление методологии естественных и общественных наук, нашел свое конкретное проявление в физикализации и математизации общественных явлений. Гносеологической платформой математизации социологического знания послужили вышеупомянутые изменения в естественных науках, о которых В. И. Ленин писал: «Крупный успех естествознания—приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками»¹.

Неопозитивисты (Р. Карнап, О. Нейрат и др.) провозгласили операциональный характер научных понятий и теорий, содержание которых сводилось к определенным операциям, производимым в процессе исследования и познания.

¹ В. И. Ленин, Соч., IV изд., т. 14, стр. 294.

Неопозитивистский принцип верификации, т. е. эмпирической проверки знания, требовал фиксирования последнего в т. н. протокольных предложениях, выражающих отдельные, непосредственно наблюдаемые факты, имеющие место в определенный отрезок пространства и времени.

Социологии предписывалось изучение данных в непосредственном опыте отношений между отдельными людьми и группами людей. В основе такого подхода к задачам социологии лежал бихевиористский принцип, согласно которому человеческое сознание недоступно объективному наблюдению, и предмет изучения могут быть только внешние реакции, внешнее поведение, поддающееся непосредственному восприятию.

* * *

Декларируя отказ от онтологической теории, современный социологический эмпиризм на деле оказался в плену различных эклектически выхваченных идеалистических теорий. Выступая продолжателями «теории факторов», эмпирические социологи отказались от вычленения главных, решающих связей в познании общества. «С нашей точки зрения,— пишет крупнейший представитель социологического неопозитивизма, Дж. Ландберг,— допущение неотъемлемого приоритета каких-либо компонентов социальной ситуации, является несовместимым с научной ориентацией»². В сущности безразлично, каким именно подходом руководствоваться в том или ином случае, если в науке мы имеем дело не с объективным отражением, а всего лишь с удобными символическими манипуляциями. Какие-либо общие сущности конструируются в случае надобности, ради удобства, говорит Ландберг.

Таким образом, за основу берется прагматический принцип принятия той теории, которая наиболее проста и экономична в научном исследовании. Поэтому в эмпирической социологии на первый план выдвигается то психологическая интерпретация, то принципы социального дарвинизма, то физикализм и т. п. Ландберг в равной мере использует как биологическую, так и физическую интерпретацию.

Отказавшись от попыток понять общественную жизнь в целом, современная эмпирическая социология направила свое внимание на изучение отдельных, часто незначительных сторон и фактов действительности.

Распыление и измельчение современной социологической тематики расценивалось как «углубление» в предмет, как прогресс научного исследования. Однако, к сожалению, здесь мы имеем дело не с детализацией единой стройной системы научного знания, а с разрозненным бессистемным изучением отдельных социальных фактов, без каких-либо попыток их взаимного увязывания и объяснения.

Отбросив общие, существенные проблемы, современная неопозитивистская социология, вслед за неэкантианством и махизмом, сводит все свое теоретическое содержание к формальной методологии, придавая ей

² G. Lundberg. Foundations of Sociology. New York, 1939, p. 387.

центральное и основополагающее значение. Однако сама методология понимается крайне узко, как некая сумма формально-логических приемов и средств социологического мышления.

Представители социологического эмпиризма считают, что дальнейшее усовершенствование техники символических манипуляций поможет подняться выше таких понятий, как «капитализм», «коммунизм», «труд», «демократия» и т. п.

Сторонники квантитативной (количественной) школы в социологии полагают, что эту задачу следует осуществить через тщательную разработку количественно-математических методов.

Один из ведущих представителей квантитативной социологии Стюарт Чэпин видит преимущество количественных методов именно в точности и стандартизованности номерных символов. «Красный» не всегда и везде «красный», говорит он, поскольку существует целый ряд оттенков. Так же неустойчиво и относительно, по его мнению, смысловое значение понятий «империализм», «радикализм», «консерватизм». Но 8 всегда есть 8, а не 7,— такое положение является устойчивым и достоверным. Но как свести к этим стандартизованным номерным символам огромное разнообразие форм и оттенков социальной жизни? Понятно, что это будет искажением исторической действительности.

Вершиной социальной математики считается работа С. Додда «Измерения общества» («Dimensions of Society»), где Додд предлагает свою S-теорию, при помощи которой можно, как он считает, охарактеризовать любое явление общества, любую социальную ситуацию. Допуская, что мы имеем дело, во-первых—с наукой, а, во-вторых—с социологией, С. Додд в качестве третьей рабочей гипотезы провозглашает: систематическая социология должна быть количественной.

Не вызывает сомнений, что разработка математических моделей в социологии представляет собою интересную область, которая еще ждет своего углубленного изучения. Однако игнорирование качественного анализа исследуемых факторов, отрыв модели от общих философских и социологических законов приводит к методологической путанице и теоретическим заблуждениям.

Нельзя не отметить в связи с этим, что среди большинства социологов Америки и Европы математические операции Додда не имели ожидаемого успеха. «Работа Додда,—пишет Дж. Маккини,—не произвела сколько-нибудь заметного эффекта в американской методологии. Эта радикальная и формалистическая попытка разработки социологической теории в математическом одеянии может считаться блестящей неудачей, хотя она и заслуживает похвалы благодаря значительным усилиям создать математическую модель»³.

Порочность чрезмерного увлечения формально-математическим методом в социологии осознают многие ученые Запада. Профессор Париж-

³ Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория. М., И. Л. 1961, стр. 236.

ского университета Морис Фреше в работе «Математика в гуманитарных науках», допуская важность применения математических методов в известных пределах, в то же время пишет: «Можно сказать, парадоксально, что гуманитарные науки рискуют постоянно стать более ложными в те самые моменты, когда они становятся более точными»⁴.

Тем не менее, престиж и обаяние математической точности продолжают искушать многих социологов, и увлечение формально-математическими и статистическими приемами сохраняет свою популярность.

Один из крупных представителей современной неопозитивистской социологии П. Лазарсфельд, характеризуя свой метод, называет его «первым перемещением центра внимания от истории институтов и идей к конкретному поведению людей»⁵.

Вместе с тем Лазарсфельд провозглашает, что этому методу присуща тенденция изучать какой-либо сектор человеческих дел в отношении его с другими. На самом деле, как справедливо отмечает прогрессивный американский социолог Р. Миллс, «отношения», о которых говорит Лазарсфельд, ограничены сферой статистики, преступить границы которой эмпирическая социология опасается.

Лазарсфельд подчеркивает, например, что следует предпочитать изучение повторяющихся «социальных ситуаций и проблем». Это можно представить, комментирует Миллс, как попытку продвинуться к структурному рассмотрению. Чтобы понять, например, американские политические кампании, нужно понять структуру партий, их роль в экономике и пр. Но это не то, что подразумевает Лазарсфельд. Лазарсфельда, пишет далее Миллс, повторяемость интересует лишь в том плане, что в повторяющихся выборах в голосовании поведение индивидов может быть изучено статистически, вновь и вновь.

Социолог-эмпирик должен быть также интерпретатором социальных явлений, пишет далее Лазарсфельд. Но что представляет собой эта интерпретация? На интерпретаторском уровне возникает множество вопросов, которые ежедневно язык отмечает словом «почему», говорит Лазарсфельд: «Почему люди сейчас имеют меньше детей, чем раньше? Почему они имеют тенденцию передвигаться из сельских мест в города? Почему выборы выиграны или проиграны? Основная техника обнаружения таких объяснений статистическая»⁶.

Таким образом, социальная теория становится систематической коллекцией различных полезных и удобных для интерпретации статистических положений.

Этот метод «абстрактного эмпиризма», как называет его Р. Миллс, состоит в том, чтобы получить факт и «вливать» последний в стандартизованный статистический анализ. Коренной порок здесь заключается

⁴ Fréchet Maurice, Les mathématiques dans les sciences humaines. Paris, 1949 p. 27.

⁵ C. Wright Mills, The Sociological Imagination, New York, 1959, p. 61.

⁶ Там же, p. 63.

прежде всего в том, что сами по себе статистические приемы не вскрывают качественной стороны процесса и его закономерностей.

Применению статистических приемов должен необходимо предшествовать качественный анализ, установление предварительной характеристики исследуемых объектов. Статистические сведения могут быть неопценены прежде всего в том случае, когда измеряются четко выделенные путем предварительного качественного анализа структуры.

В противном случае возникают те опасные выводы, о которых В. И. Ленин, критикуя земскую статистику, писал: «Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии. Получаемые от такого сложения «средние» затушевывают разложение и являются потому чисто фиктивными»⁷.

В другой работе Лазарсфельда ставится задача выяснить роль торговой рекламы. В результате проведенного эксперимента даже выводится формула эффекта воздействия рекламы⁸.

Конечно, в определенной мере исследования подобного рода могут представлять какой-то интерес. Но все дело в том, что тематика эмпирических социальных исследований настолько измельчала, что именно такие работы пока преобладают в американской социологии, несмотря на все возрастающие требования теоретических исследований.

Одним из наглядных примеров современного эмпирического исследования может служить статья «The Social-distance Pyramid: Relationships between caste and class». («Пирамида социальной дистанции: взаимоотношения касты и класса»)⁹. Авторы (Фрэнк и Маргарет Вестье) стремятся установить соотношение взаимодальности и отчужденности между тремя статусами негров и белых (низшим, средним и высшим), затрагивая, таким образом, проблему важную и острую. Анализируется степень социальной удаленности между выделенными тремя социо-экономическими уровнями негритянского и белого населения.

Пирамида представляет собой, как указывают авторы, оформленные графически эмпирические положения, и в виде диаграммы демонстрирует социальную дистанцию между неграми и белыми.

Первым «эмпирически устойчивым» заключением является то, что наименьшая дистанция существует между высшими статусами белых и негров. Это объясняется тем, что высший класс белых, добравшись до вершины социальной пирамиды, чувствует себя в безопасности и не испытывает потребности использования и подавления негров в своих интересах.

Наиболее мобильным, в смысле передвижения по социальной лестнице, является средний класс, который, как говорится в статье, по своим взглядам на расовую проблему, также занимает промежуточное положение.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 77.

⁸ См. *The Language of Social Research*, ed. by P. Lazarsfeld, Glencoe, 1955, pp. 411—419.

⁹ *The American Journal of Sociology*, vol. 63, № 2, 1957, pp. 190—196.

ние: он больше подвержен влиянию предрассудков, чем высший класс, но меньше, чем низший.

Либеральные взгляды на расовую проблему обуславливаются, по мнению Фрэнка и Маргарет Вестье, прежде всего хорошим воспитанием. Воспитание провозглашается также одним из наиболее важных критериев различения класса в негритянском обществе.

Авторы замечают, что предрассудки в своей основе могут рассматриваться как функция соревнования за экономические и неэкономические ценности. Наиболее острым недостатком этих ценностей на низших уровнях объясняется большая интенсивность их расового соревнования.

Таким образом, наиболее предубеждены по отношению друг к другу персоны самого низкого статуса белых и негров. Самое характерное во всем этом исследовании заключается в том, что научный экономический критерий в подходе к классам в нем, конечно, отсутствует, несмотря на то, что речь идет о «социо-экономическом» статусе.

Чем руководствуются авторы, различая три социо-экономических статуса или класса?—Провозглашая основным в характеристике классов образование или воспитание Ф. и М. Вестье переносят главный критерий класса в сферу сознания. Различное экономическое положение трех классов выступает в работе чем-то второстепенным, производным от воспитания. Таким образом, вопрос фактически переворачивается с ног на голову, и под видом эмпирически достоверного преподносится старый идеалистический тезис. Что же касается диаграмм, прилагаемых к исследованию данного вопроса, то они не выводятся на основании каких-либо убедительных конкретных данных, а просто служат графическим повторением основных идей, выдвигаемых в статье. Никаких практических рекомендаций авторы не предлагают. Логика работы ведет нас к тому, что положение можно улучшить лишь хорошим воспитанием. Как и каким образом можно сделать хорошее образование и воспитание достоянием всех статусов—этот вопрос также остается открытым.

Современные неопозитивистские социологи подводят теоретическое обоснование под такого рода исследования, заявляя о «неэтическом» характере научного знания. Ландберг пишет: «Вопросы этики... не следует в науке смешивать с тем, что показывают наблюдения. Социологические проблемы не должны смешиваться с социальными проблемами в смысле регулирования...»¹⁰.

В таком смысле соотношение между преступностью и плотностью населения, поясняет Ландберг, является социологической проблемой, а предотвращение преступления—проблемой социальной.

Отказавшись от познания объективно существующих закономерностей, современная неопозитивистская социология говорит о них только как об удобных логических инструментах научного исследования. «Вероятно, каждый согласится,—пишет Ландберг,—что основа любой науки—серия уместных верифицируемых постоянных генерализаций, назы-

¹⁰ G. Lundberg, *Foundations of Sociology*, p. 29.

ваемых принципами или законами»¹¹. Эти законы, понимаемые с наибольшей экономией, допускаются лишь в некоторых измеряемых пределах.

В работе «Основания общества» Ландберг отмечает четыре основные характеристики понятия «закон»: это группа словесных или математических символов (1), обозначение неограниченного числа определенных событий в терминах ограниченного числа реакций (2), таким образом, что проведение определенных действий всегда приводит к результатам, которые можно представить (3), в измеряемых пределах (4)¹².

Под рубрику научного закона обычно подводится, говорит он, два типа или две степени генерализации. Первый—это просто положения статистической вероятности события при устойчивых обстоятельствах. Второй тип, наиболее распространенный в социологии—тавтологические положения, в которых содержание заключения неотъемлемо присуще определению употребляемых слов.

Согласно неопозитивизму, тавтологическими являются аналитические логико-математические суждения, которые истинны в формально-логическом смысле. Причем истинность эта зависит от того, каковы конвенционально принятые условия формальной правильности¹³.

Аналогичными суждениями Ландберг считает, в частности, закон инерции, а в социологии—«закон» Спенсера о том, что социальное движение следует линии наименьшего сопротивления.

Практическую ценность подобных тавтологий Ландберг видит в возможности дедуцирования из них теорем, которые верно описывают широкое число конкретно наблюдаемых событий¹⁴.

Таким образом, вопрос о познании объективной закономерности как отражении существенных отношений в эмпирической социологии вообще не ставится. Закон как удобный логический инструмент существует только тогда, когда мы его сформулировали. Эмпирическое, «конкретное», «точное» исследование начинается с идеалистических позиций в гносеологии, и естественно, что установленные им закономерности оказываются умозрительными и иллюзорными. В лучшем случае эмпирический закон остается ограниченным статистическим обобщением.

Отказавшись от познания сущности явлений, эмпирические социологи тем самым «логично» отказываются и от познания причинных связей, которые по своей природе являются связями существенными.

Причинность в традиционном смысле заменяется вероятностным функциональным отношением. Главная проблема для современного неопозитивизма — взаимодействие людей в пространстве с географи-

¹¹ G. Lundberg, *Foundations of Sociology*, p. 100.

¹² Там же, p. 133.

¹³ См. И. С. Нарский, *Очерки по истории позитивизма*. И-во Моск. у-та, 1960 г., стр. 169—170.

¹⁴ G. Lundberg, *Foundations of Sociology* p. 135.

ческим окружением и средствами технологии в их функциональных взаимоотношениях.

Н. Рашевский, рассматривая богатство как функцию способностей человека, делает свой известный реакционный вывод о том, что кривая распределения богатства склоняется к индивидуумам, одаренным большими способностями. Анализируя модель Рашевского, Дж. Колеман делает следующее заключение: «Если взаимодействуют два индивида, один получит, а другой потеряет богатство в зависимости от того, насколько богат беднейший из двух и в зависимости от способностей каждого»¹⁵.

Таков результат «объективных» эмпирических исследований буржуазной социологии.

* * *

Современная эмпирическая социология всячески стремится популяризировать свои проблемы, связать их с конкретными вопросами общественной жизни. В определенной своей части она выполняет прямой социальный заказ сбора информации и щедро финансируется при этом соответствующими организациями монополий и правительственных учреждений.

Тем не менее нельзя не отметить, что в настоящее время кризис одностороннего социологического эмпиризма становится общепризнанным фактом, и нынешнее состояние эмпирического хаоса уже не может удовлетворить многих социологов Запада.

Сторонником создания более широких обобщений, сочетания конкретного исследования с теорией выступает теперь и П. Лазарсфельд, эмпирические работы которого упоминались выше.

В этом пункте сближаются сейчас квантитативная и неквантитативная школы, сторонники неопозитивизма и представители «теории социального действия», перекрещивающейся с так называемой «понимающей социологией» («Verstehende»), т. е. намечается сближение «эмпириков» и «теоретиков». Однако создание союза эмпирических исследований с правильной общей теорией остается неосуществимой задачей для современной буржуазной социологии.

Каковы бы ни были изыскиваемые пути и методы решения, они все обречены на неудачу, поскольку в отрыве от материалистической теории и методологии проблема создания подлинно научной социологии не может быть разрешена.

Научной социологией, дающей стройную и последовательную общую теорию законов общественного развития, является исторический материализм. Вместе с тем это также научная методология, с позиций которой проводятся марксистские конкретные социологические исследования,

¹⁵ James S. Coleman. An Expository Analysis of Some of Rashevsky's Social Behavior Models, в кн. „Mathematical Thinking in the Social Sciences“, ed. by P. Lazarsfeld, Glencoe, 1954, p. 106.

представляющие собой применение теории и метода исторического материализма к анализу конкретных социальных ситуаций, возникающих в процессе современной общественной жизни. Проведение конкретных исследований в социологии настоятельно требует развития и совершенствования методики и техники исследования, в первую очередь в связи с возможностями и границами применения в социологии количественного, математического аппарата.

Не исключена возможность, что именно в этой сфере мы можем, говоря словами В. И. Ленина, критически «усвоить и переработать» некоторые положительные моменты, имеющиеся в частных исследовательских методах буржуазной социологии и социальной психологии. Однако изучая методы современной эмпирической социологии, в особенности под углом зрения возможностей их применения в наших конкретных социологических исследованиях, следует помнить, что ограниченность общей методологии зачастую влияет на характер методики и техники исследования и в то же время приводит к неправильному отбору фактов, к ложному выбору самой проблемы. С другой стороны, никакие, даже самые совершенные технические методы и приемы исследования в рамках общей методологии позитивистского эмпиризма не могут привести к научному пониманию общественных процессов, поскольку последнее возможно только с позиций диалектико-материалистического подхода к обществу.

Ս. Դ. ԱԼԼԱԶՎԵՐԳՅԱՆ

ԲՈՒՐՃՈՒԱԿԱՆ ՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱՅՈՒՄ ԷՄՊԻՐԻԿ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՔՆՆԱԴԱՏՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Էմպիրիկ սոցիոլոգիաի տարբերիչ դիժն է հանդիսանում փաստական հրաժարումը հասարակության զարգացման մեջ Հական, օրինաչափ կապերի ճանաչողությունից: Ինչպես իդեալիստական սենսուալիզմը փիլիսոփայության մեջ, սոցիոլոգիական էմպիրիզմը վառ օրինակն է այն բանի, թե ինչպես ճանաչողության պրոցեսի ամեն մի կողմի բացարձակացումը հասցնում է իդեալիզմի, շնայած էմպիրիզմը հայտարարվում է իդեալիստական սպեկուլյացիաների հակոտնյա:

Հողվածում տրվում է պոզիտիվիզմի պատմական ձևերի համառոտ վերլուծությունը՝ Օ. Կոնտից սկսած մինչև ժամանակակից նեոպոզիտիվիզմը, որն իրենից ներկայացնում է սոցիոլոգիական էմպիրիզմի փիլիսոփայական հիմքը: Քննադատության են ենթարկվում էմպիրիկ սոցիոլոգիայի հիմնական մեթոդոլոգիական սկզբունքները, այն է՝ նատուրալիզմը, որն արտահայտվում է բնագիտության մեթոդները մեխանիկորեն սոցիոլոգիայի մեջ փոխադրելով, այնուհետև, բանական հետազոտության մեթոդներով միակողմանիորեն տարվելը և բիհևիոթիստական մոտեցումը, որով սոցիոլոգիայի առարկան դառնում է մարդկային վարքն իր արտաբին կողմով:

էմպիրիկ սոցիոլոգիայի ներկայացուցիչները սիրում են հայտարարութիւններ անել այն մասին, որ գիտելիքը կրում է այսպիս կուլված «ոչ էթիկական» բնույթ, զերծ է գնահատող դատողութիւններից և առնչութիւն չունի դասակարգային շահերի հետ: Բայց օբյեկտիվորեն էմպիրիկ սոցիոլոգիան կոչված է շեղելու աշխատավորների ուշադրութիւնը բուրժուական հասարակութեան արմատական, էական պրոբլեմներից: